

Наши «сукины дети». Защищать или...

Памятник героям Буковинского куреня, Черновцы

Споры о степени коллаборационизма тех или иных украинских формирований с нацистами в годы Второй мировой давно вышли за рамки академических дискуссий. Одной из наиболее спекулятивных стала тема Буковинского куреня, которому советская историография приписывает участие в уничтожении евреев в Бабьем Яру, в то время как большинство украинских исследователей настаивают, что бойцов куреня вообще не было в тот день в Киеве. Свет на эту проблему проливают обнаруженные недавно историком Юрием Радченко ранее неизвестные документы и факты, которыми он поделился в интервью «Хадашот».

— Юрий, твой доклад о Буковинском курене открывал конференцию «Массовое насилие и геноциды на украинских землях в 1930-1940-х годах», организованную в Харькове Центром исследований межэтнических отношений в Восточной Европе. Это полувоенное формирование ОУН (м) много лет остается в центре внимания только потому, что Бабий Яр стал символом Холокоста на территории Украины?

— Безусловно, поскольку для бойцов Буковинского куреня, как и для членов ОУН (м), само по себе убийство евреев в 1941 году не было чем-то экстраординарным — есть свидетельства о расстреле летом 1941 года бойцами куреня евреев села Милиево в Вижницком районе Черновицкой области. В Старой Ушице они приняли участие в погроме. Я видел документы об уничтожении активистами ОУН (м) евреев в Кицманском районе.

Но все это затмила дискуссия о не/участии куреня в событиях Бабьего Яра, поскольку это место, действительно, стало символом Холокоста «от пуль» не только в Украине, но и во всем мире.

Руины Крещатика, 1942

— Какими аргументами оперируют исследователи, отстаивающие ту или иную версию?

— Советская версия была озвучена в книге Александра Шлаена, утверждавшего, что из 1200 палачей Бабьего Яра подавляющее большинство составляли украинские полицаи, а также бойцы Буковинского куреня. При этом он не ссылался ни на какие документы.

Вторая версия — назовем ее условно украинская — принадлежит уважаемому мной историку Виталию Нахмановичу, который на основе ряда документов доказывает, что курень пришел в Киев в начале ноября 1941 года, что автоматически снимает с «буковинцев» обвинения в трагедии Бабьего Яра в конце сентября — начале октября 1941 года.

Есть гипотеза голландского историка Карла Бергхофа, считающего, что Буковинский курень приходил в Киев дважды — передовая группа прибыла в сентябре 1941-го, а основная часть — в ноябре. Теоретически это допускает участие части бойцов в расстрелах 29-30 сентября.

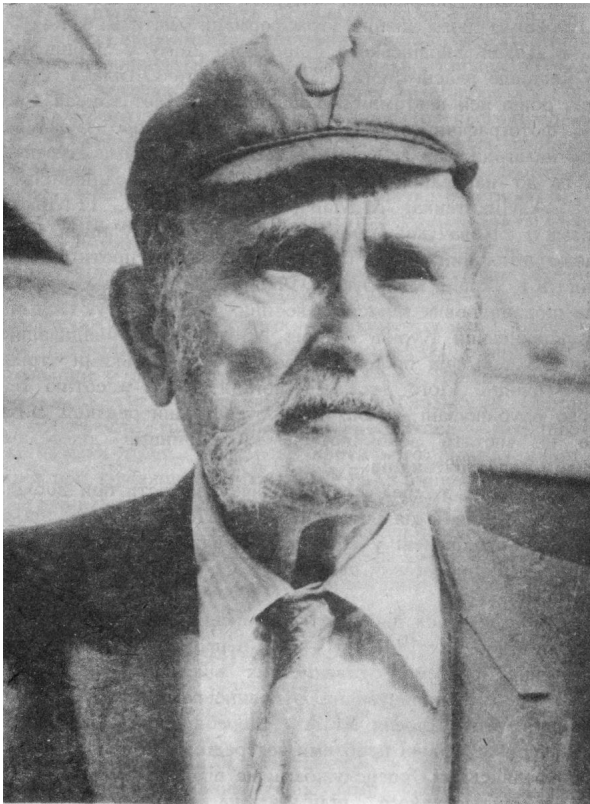
Проблема в том, что большинство исследователей опираются на воспоминания, написанные через много лет после войны, которые можно трактовать по-разному. Например, Бергхоф цитирует одного «буковинца», вспоминающего, что они прибыли в Киев, когда город горел, и делает из этого вывод, что речь идет о сентябре 1941 года. Нахманович резонно возражает, что Киев горел до ноября, поэтому установить точное время прибытия подразделения невозможно.

— Но найденные тобою документы косвенно подтверждают, что в конце сентября «буковинцы» уже были в Киеве...

— Да, недавно в архиве ОУН в Киеве мне удалось найти письмо члена Буковинского куреня и активистки ОУН (м) Марты Зыбачинской, отправленное в ноябре 1948 года из Мюнхена лидеру организации Мельнику. Письму предшествовал внутренний трибунал ОУН, состоявшийся в 1945 году в американской оккупационной зоне в Германии.

Вкратце о сути дела. Марта в ходе процесса предъявила командиру куреня Петру Войновскому два обвинения — во-первых, он нанес ей личное

оскорбление, назвав проституткой за то, что она водилась с бандеровцами. Во-вторых, он передавал этих бандеровцев немцам, что осенью 1941 года часто означало для них смерть... В результате Войновский был приговорен к исключению из ОУН (м) на один год с перспективой восстановления в партии.

Петр Войновский

Украинские бойцы шуцманшафта

Но нас интересуют не эти шекспировские страсти, а упоминание в письме Марты о том, что когда она приехала в Киев в октябре 1941 года, то в городе уже были «буковинцы». (Подробная статья об этом и само письмо Зыбачинской будут опубликованы в ближайшее время в одном из научных журналов, а альтернативную точку зрения, ставящую под сомнение эту спорную версию, мы поместим в следующем номере «Хадашот», — М.Г.). Видимо, курень не являлся гомогенной структурой, и его бойцы прибывали в Киев в составе нескольких групп. Интересно также свидетельство Зыбачинской о том, что зимой 1942 года немцы активно производят аресты мельниковцев, в том числе людей, близких к Войновскому, за то, что они *грабили имущество убитых евреев, вырывали золотые зубы у расстрелянных жертв Холокоста и переплавляли их.*

Таким образом, очевидно, что в октябре 1941-го буковинцы уже были в Киеве, но появились ли они там до 29 сентября, когда начались расстрелы в Бабьем

Яру? Об этом косвенно можно судить, проанализировав второй документ — черновик рукописи очерка истории Буковинского куреня, написанный одним из его активистов Орестом Билагом. По тексту видно, что автор использовал не только свою память, но и документы, недоступные сейчас исследователям. Билаг отмечает, что основная часть буковинцев (800 человек) вошла в Киев 29 октября, но к этому времени в городе уже *была* сотня Буковинского куреня, которая прибыла раньше с хором, причем выступления хора с песнями сечевых стрельцов транслировали по местному радио.

И тут в дело вступает третий документ, который связывает воедино эти элементы пазла. Немецкая 195-я полевая комендатура, которая активно участвовала в подготовке и способствовала расстрелам в Бабьем Яру, направила 27 сентября запрос в Житомир с просьбой прислать *100 подготовленных украинских полицейских*, которые должны прибыть в Киев 29 сентября. Вполне вероятно, что эта сотня Буковинского куреня с хором, о которой пишет Билаг, и полицейские, запрошенные немцами, — одни и те же люди.

— Означает ли это, что «буковинцы» принимали непосредственное участие в расстрелах?

— Прямых свидетельств об этом нет и, согласно всем имеющимся документам, расстрелы проводила немецкая зондеркоманда 4А. На вспомогательную полицию, в рядах которой было много мельниковцев и, возможно, «буковинцев» возлагались охранные функции — полицаи образовывали коридор, по которому гнали и избивали евреев (об «украинских националистах» вспоминает Дина Проничева), а потом грабили еврейское имущество. О фактах присвоения имущества убитых евреев членами Буковинского куреня мы знаем, как уже говорилось, из письма Зыбачинской. Сложно сказать, когда именно это происходило — в конце сентября, в октябре — ноябре 1941 г. или зимой 1941-1942 гг. Известны также показания бывшего полицейского Василия Покотило о том, как бургомистр Киева Владимир Багазий, вступивший в ОУН (м), занимался грабежом еврейского имущества. Сохранилось и письмо греко-католического священника Йосипа Кладочного о ситуации в Киеве, отправленное 26 марта 1942 года митрополиту Андрею Шептицкому, где он жалуется, что некоторые члены ОУН (м) в украинской столице грабят все, что только можно. А что можно было относительно безнаказанно грабить зимой 1942 года? Вероятно, только еврейское

имущество, к которому был доступ у лиц, близких к самоуправлению и полиции...

— Какое место сегодня занимает история Буковинского куреня в формировании нового исторического нарратива?

— Прямого культа этого подразделения нет, поскольку речь идет об откровенном коллаборационизме с нацистами. Хотя частично «буковинцы» героизируются — еще в 1995 году в Черновцах им был поставлен памятник, на торжественное открытие которого приезжал из США сам Войновский.

К сожалению, можно говорить об отсутствии дискуссии по этому вопросу. В прошлом году Украинским институтом национальной памяти был подготовлен сборник «Война и миф. Неизвестная Вторая мировая», где, как Священное писание цитируют статью Виталия Рафаиловича, не приводя альтернативных точек зрения. Впрочем, надеюсь, с введением в оборот новых документов эта ситуация изменится.

Бывшие шуцманы из 115 и 118 батальонов среди французских партизан, 1944

Причина, по которой некоторые лидеры ОУН (м) и ряд бойцов Буковинского куреня практически канонизированы, понятна — они были расстреляны (или, возможно, похоронены) зимой 1942 года в том же Бабьем Яру, как, например, поэтесса Олена Телига или Иван Рогач — редактор газеты «Українське слово», не брезговавший публикацией антисемитских материалов, призывавших выдавать евреев немцам. Считается, что эти люди были уничтожены якобы за сопротивление нацистам, что, мягко говоря, не так. Члены ОУН (м) даже не

помышляли о борьбе с Германией в 1941 году, скажу больше — до конца войны они не выпустили ни одной антинемецкой листовки в отличие от бандеровцев или, скажем, бульбовцев.

Тем не менее они пали жертвой беспощадного немецкого террора, подобного большевистскому террору 1930-х, уничтожившему многих фанатично верных советскому режиму людей.

— *Насколько это осознается украинским обществом?*

— Это сложно принять, как и то, что ряд лидеров ОУН несут определенную ответственность за военные преступления.

Характерно, что сегодня даже апологеты ОУН (б) активно отрицают преступления Буковинского куреня, хотя в 1940-е между бандеровцами и мельниковцами шла жестокая межпартийная война — в ход шли и политические убийства, и передача оппонентов в руки немцев — часто на верную смерть.

— *Где проходит грань между коллаборационизмом и национально-освободительной борьбой?*

— Ее очень сложно провести. Национально-освободительное движение может быть коллаборационистским, фашистским, тоталитарным, антисемитским и т.п. С другой стороны, термин *коллаборационизм* очень политизирован. На Западе он применяется в отношении граждан того или иного государства, ставших на путь сотрудничества с оккупантами. Но украинского государства в 1941 году не было, и в этом смысле мельниковцев и бандеровцев, не имевших советского гражданства, сложно назвать коллаборационистами.

Критерий, на мой взгляд, должен быть другим — насколько люди, сотрудничавшие с немцами, были вовлечены в военные преступления. Все украинские группы в годы войны балансировали между коллаборационизмом и сопротивлением, просто мельниковцы до конца войны сохраняли лояльность Германии, чего нельзя сказать о бандеровцах.

Что касается Буковинского куреня, то зимой 1941-1942 гг. он был слит с состоявшим из советских военнопленных Киевским куренем и на их основе были сформированы 115-й и 118-й батальоны шуцманшафта. Последний

участвовал в сожжении Хатыни в марте 1943 года, правда, повторюсь — большинство личного состава составляли к тому времени бывшие советские военнопленные.

В 1944-м оба батальона перебросили во Францию, где они в конце августа перешли на сторону французского Сопротивления, превратились в батальон имени Тараса Шевченко и ...в течение месяца воевали с немцами. Солдатам батальона даже установлен памятник, которому французские солдаты еще в 1990-е годы отдавали честь, не зная обо всех этапах «боевого пути» этих товарищей. Тем не менее это не повод защищать людей, до поры до времени верно служивших нацистам, — будь то «отличившийся» в Хатыни Владимир Катрюк, недавно скончавшийся в Канаде, или пленный советский солдат Иван Демьянюк, бывший охранником («травником») в Майданеке и Собиборе, — только потому, что они украинцы.

— Проблема в том, что, умело перемешивая ложь с правдой, политики превращают историю в инструмент пропаганды.

— Безусловно. И там, где это происходит, требуется наша незамедлительная и профессиональная реакция. Так, например, долгое время в советской, а отчасти и сегодня в российской пропаганде распространяется версия о том, что убийство польских профессоров во Львове в июле 1941 года — дело рук батальона «Нахтигаль», сформированного из бандеровцев. Известный польский историк Гжегож Мотыка доказал, что это не так — цвет польской интеллигенции расстреляла немецкая айнзацкоманда, и это было частью плана по уничтожению польской элиты.

Есть попытки спекулировать и на участии украинских подразделений в трагедии Бабьего Яра, например, директор российского Фонда «Историческая память» Александр Дюков пытается привязать к расстрелам ОУН (б) без веских на то оснований. Вообще, в российской пропаганде постоянно смешиваются ОУН (б) и (м), поэтому министр культуры РФ Владимир Мединский говорит, что Хатынь сожгли не эсесовцы, а бандеровцы, хотя их там и близко не было.

В то же время в Украине правопреемники ОУН (м) отрицают участие 118-го батальона в уничтожении Хатыни.

Если власть и общество готовы (а я надеюсь, что это не так) встать на защиту

наших «сукиных сынов» только потому, что они наши, — это свидетельство незрелости, а вовсе не проявление патриотизма... Чем раньше мы это поймем — тем лучше.

Беседовал Михаил Гольд